

Сибирский федеральный университет
пр. Свободный, 79, Красноярск, 660041, Россия
E-mail: aleton@yandex.ru

КОНФУЦИАНСТВО В ЗАМЕТКАХ П. И. КАМЕНСКОГО (АРХИМАНДРИТА ПЕТРА)

Архимандрит П. И. Каменский, начальник Русской духовной миссии в Пекине, старался не просто проповедовать в Китае православие, но и понять философию конфуцианства. Посредством постижения конфуцианской морали П. И. Каменский размышлял над перспективами гармоничного взаимодействия русской и китайской культур.

Ключевые слова: Русская духовная миссия, конфуцианство, православие, духовная культура, философия, вероучение.

Павел Иванович Каменский (1765–1845) – архимандрит, начальник X Русской духовной миссии в Пекине (1820–1831) – был одним из первых отечественных исследователей Китая, подробно изучивших конфуцианские тексты и написавших большое количество заметок о конфуцианстве. В них П. И. Каменский дает различную оценку тем или иным конфуцианским «заповедям»: некоторыми восхищается, иные критикует. Нам важно понять, какой смысл П. И. Каменский вкладывал в эту работу, что искал в основах конфуцианской морали.

На сегодняшний день среди исследований жизни и деятельности П. И. Каменского практически нет упоминаний о его трудах, посвященных изучению конфуцианской философии. Единственный, кто упоминает о конфуцианских заметках П. И. Каменского, – это известный исследователь-библиограф П. Е. Скачков: «Дневники Каменского, относящиеся к 1832–1842 гг., заполнены записями переводов проповедей на китайском языке, выписками из богословских книг, афоризмов богословского содержания, теологическими размышлениями, свидетельствующими о попытках в конфуцианских книгах найти общее в конфуцианской и христианской морали и т. п.» [1977. С. 131].

Как православный священник архимандрит Петр (Каменский) старался не просто нести веру Христову в китайскую среду, но и понять китайскую философию, найти точки соприкосновения с христианским вероучением. Вероятно, постигая китайскую философию, П. И. Каменский размышлял над перспективами распространения православной веры, каким наиболее действенным способом можно «внедрить» православие в китайскую культуру.

Заметим, что речь в заметках П. И. Каменского идет лишь о конфуцианских заповедях, там не упоминаются буддизм и даосизм. То же самое можно сказать и о работах иезуитов. Дело в том, что христианские миссионеры рассматривали буддизм и даосизм как язычество. В одном из писем П. И. Каменского находим следующую характеристику: «албазинцы, оставив идолослужение, почти все с женами и детьми обращены к святой предков своих вере»¹. Кроме того, именно на основе конфуцианского канона строилось государственное правление маньчжурской династии. Поэтому для наиболее эффективного проповедования своей веры христианским миссионерам было важно разобраться в нормах конфуцианской морали.

Сходство христианства с конфуцианством отмечали еще в середине I в. н. э. несториане, одни из первых проповедников христианства в Китае. Их учение о человеческой природе

¹ Копии с писем Архимандрита Петра Каменского // ГАКК. Ф. 805. Оп. 1. Д. 105. Л. 13.

Христа, ведшего образцовую жизнь, напоминало учение Конфуция о «пути благородного мужа». Позже Маттео Риччи и его сподвижниками была разработана идея, положенная в основу миссионерской работы иезуитов в то время, – «дополнять конфуцианство и отбрасывать буддизм» (см.: [Дацышен, 2007. С. 24]), что подчеркивало совместимость учений Конфуция и Христа, при этом конфуцианство признавалось «предхристианством» [Там же]. Исследователь А. В. Ломанов отмечает: «в начале XVII в. приняли крещение “три столпа” китайского христианства: уже известный Сюй Гуанци (1552–1633), Ли Чжицзао (1565–1630) и Ян Тинъюнь (1557–1627). Эти ученые китайцы воспринимали христианство не как чуждое учение, альтернативу традиционным китайским ценностям, но, скорее, как вариант неоконфуцианства, более адекватно отражающее суть древних китайских учений» [Ломанов, 2002. С. 129]. Иезуиты заимствовали традиционные китайские идеи для того, чтобы сделать христианство доступным и совместимым с китайской культурой, некоторые из них писали комментарии к текстам Конфуция². Поэтому поиски сходства в религиозно-философских культурах, намеченные в работах П. И. Каменского, не были новы и беспочвенны.

Отметим, что П. И. Каменский в разные периоды относился к Конфуцию и его философии по-разному: среди ранних записей, сделанных П. И. Каменским в период до его поездки в Китай в качестве начальника X миссии, находим: «...но нельзя же и более выставить его [Конфуция] в образец великих философов. Уступим, что он был нравоучитель глубокой древности за 550 лет до Р. Х., но скажем, что не был великий философ. От философа требуется глубокое познание природы и из оной почерпаемые мудрования; а Конфуций всего своего учения достаточным почитал основанием единые предания, всяких глупостей преисполненные... Из домашних правил лучших чувашских домоуправителей уверяю, что и он [домоуправитель] не иначе говорит своему семейству: живите мирно, почитайте родителей и старших, но кто скажет, что сии правила не суть общие для философа и мужика? Ежели уступить, что сии чувашского домоуправителя правила суть правила не чуждые философии, то наконец, должно будет уступить, что всякий мужик есть философ»³. Такая неприязнь могла объясняться отрицанием чуждого и мало понятного на тот период учения. Более того, философия Конфуция казалась П. И. Каменскому примитивной, не заслуживающей внимания.

По прошествии ряда лет П. И. Каменский говорит о Конфуции более сдержанно и даже ставит в пример некоторые его философские воззрения. Так, он пишет: «О китайском мудреце Конфуции, в ученом свете Европы ныне много судят, но большею частию опрометчиво. Иные совсем его унижают без исключений, а другие превозносят без доказательств. Я советую об нем судить как о человеке двустороннем – с одной стороны мы найдем много достойного одобрения, с другой стороны не менее найдем достойного осуждения»⁴. Такая смена позиции в отношении китайского мудреца могла стать следствием аналитического осмысления П. И. Каменским важности конфуцианского учения, для более гармоничного распространения православия в китайской среде, для эффективного взаимодействия русских и китайцев, а также для изучения китайского языка и китайской культуры.

П. И. Каменский стал подмечать в философии Конфуция и то, что, на его взгляд, казалось важным для будущих проповедников веры в Китае: «Конфуций сказал: ясно, я знаю, что мое учение уже не имеет хода, даровитые люди преходят меру, а низких способностей до оной не доходят. А потому учение остается во мраке необъясненным. Я ясно понимаю, что умные выходят за пределы, а глупые не доходят. Все едят, нет кто бы не употреблял пищу; но знающих вкус мало. Примеч. Сию статью проповедники веры в Китае, должны иметь на замечание. Можно подтвердить, что их священное учение, по свидетельству самого их великого Св. Конфуция давно уже оставлено без действия...»⁵. Надо полагать, данной заметкой П. И. Каменский хотел показать готовность китайского общества воспринять определенную «модернизацию» конфуцианского учения, сказать о том, что пришло время проповедников, способных «оздоровить» китайское общество новой верой.

² Итальянский миссионер Джулио Алени за комментарии к текстам Конфуция получил почетное наименование «Конфуций Запада».

³ Необработанный материал Каменского // АВПРИ. Ф. 152. Оп. 505. Д. 142. Л. 387.

⁴ Дневниковые записи. Том в переплете с различными записями П. Каменского за 1832–1833 гг. // АИВР РАН. Ф. 24. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 53.

⁵ АИВР РАН. Ф. 24. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 58.

Близость культур России и Китая и их взаимодополняемость в религиозно-философском смысле отмечали и сами подданные Поднебесной: «Минджу Кутухту в дружеских с нами [русскими миссионерами X миссии] быв связях, заимствовал от меня [Каменского] христианские на китайском языке книги, и уверял, что он в христианском учении, много находит сходным с их учением. Из писем его к нам писанных видно, что он к имени божию христианскому имеет уважение и некоторые книги, он просил меня дозволить ему списать, в чем я ему и не отказал...»⁶.

Другая причина для изучения конфуцианства П. И. Каменским связана с проблемой взаимодействия социальных культур. П. И. Каменский замечает: «Иностранец, ежели хочет показать себя пресвященным, то непременно должен напоить себя сими правилами, без чего и самый ученейший останется вне класса людей»⁷. Проблема взаимодействия русских и китайцев стояла достаточно остро и отчасти являлась причиной отказа русских священников и студентов от поездки в пекинскую миссию. Китайцы относились к иностранцам с презрением, насмехались над ними и при любой возможности обманывали и обсчитывали. Определенным выходом могло стать изучение миссионерами конфуцианского канона, цитирование изречений Конфуция при случае недоброжелательного отношения китайцев, так как слова Конфуция были для китайца, в определенном смысле, законом.

В высказываниях Конфуция П. И. Каменский находил и путь изучения китайской культуры: «Конфуций сказал: ежели моя жизнь еще продлится несколько лет и я успею кончить учение священного И дзина, то надеюсь от многих очиститься ошибок. Вот и сия статья может доказать необыкновенную трудность китайского учения, когда Конфуций, как видно в старости, но проходил еще классическую книгу И дзин»⁸. На основе подобных размышлений П. И. Каменский предлагал метод изучения китайского языка по курсу обучения в китайских училищах, где первые 8–9 лет изучались известные философские трактаты («конфуциева система четырехкнижия»), однако на общем совете миссии (уже в XI миссию) этот метод был отвергнут студентами. Студент XI миссии Аввакум Честной писал: «Ужели это называется методом, и ужели мы так глупы, чтобы восемь лет заниматься одним Четырехкнижием. Мы осмелились уверить его (Вениамина Морачевича – начальника XI Русской духовной миссии в Пекине), что эту чепуху, если нужно, мы легко можем пройти менее, нежели в три года» [Можаровский, 1886. С. 412–413].

Несмотря на недоработанные идеи и определенные заблуждения, П. И. Каменский глубоко понимал китайскую действительность и китайский менталитет. Он принимал безусловную важность изучения конфуцианского канона для взаимодействия социальных и духовных культур России и Китая. Благодаря тому, что П. И. Каменский владел знаниями по конфуцианской философии, а вместе с ней основами китайской культуры, он завоевал огромное уважение среди китайского населения – от простых жителей до высоких государственных чиновников. К сожалению, многие его начинания так и не имели продолжения, его собственные труды оказались не востребованы современниками, вследствие чего были практически забыты потомками. Однако изучение работ П. И. Каменского могло бы способствовать более эффективному взаимопроникновению культур, что сохраняет свою актуальность и в современную эпоху.

Список литературы

Дацьишен В. Г. Христианство в Китае: история и современность. М.: Науч.-образоват. форум по междунар. отношениям, 2007. 240 с.

Ломанов А. В. Христианство и китайская культура. М.: Вост. лит., 2002. 446 с.

⁶ Дневниковые записи. Том в переплете с различными записями П. Каменского за 1832–1843 гг. // АИВР РАН. Ф. 24. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 209.

⁷ АИВР РАН. Ф. 24. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 73.

⁸ Там же. Л. 83.

Можаровский А. Ф. К истории нашей духовной миссии в Китае // Рус. архив. 1886. Кн. 2. С. 405–437.

Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука, 1977. 505 с.

Материал поступил в редколлегию 02.02.2011

Anton B. Chegodaev

CONFUCIANISM IN THE NOTES OF P. I. KAMENSKIY'S (ARCHIMANDRITE PETR)

Archimandrite P. I. Kamenskiy as a head of Russian orthodox mission in Beijing tried to propagate orthodox religious doctrine as well as to understand Confucianism philosophy. He thought about prospects of harmonized cultural interaction if perceived Confucianism morals.

Keywords: Russian orthodox mission, Confucianism, orthodoxy, spiritual culture, philosophy, religious doctrine.